

A large, white marble statue of a woman, likely a Soviet war heroine, is shown in profile. She has her right arm raised high, holding a rolled-up document or flag. Her hair is styled in a bun, and her expression is one of determination. The statue is set in a park-like environment with green grass, yellow flowers, and tall pine trees in the background.

ДМИТРИЙ ЧАРКОВ

Не упокой

16+

Дмитрий Чарков

Не упокой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62972511

SelfPub; 2022

Аннотация

Трагедии – неотъемлемая часть жизни. Взросление – объективный процесс бытия. Наслоение одного на другого может стать причиной психической патологии. Как это случилось в жизни Вероники: девочка была изнасилована в раннем возрасте, при этом её лучшая подруга сыграла определенную «фоновую» роль в этой трагедии. Или ей это только показалось? Стремление Вероники сбалансировать подвинутый в её представлении мир до рамок справедливого возмездия делает её эпицентром самых невероятных с точки зрения обывателя событий. Подавляемый гнев и скрываемая ярость под маской хладнокровия делают из молодой женщины опасного и не упокоенного хищника. Автор сознательно формирует у читателя двойственность в отношении главной героини – допустимы как отвержение, так и сочувствие, в целях максимального слияния с реальностью: мир сам по себе дуален. Финал неформально может иметь многоочие. Но и начало у истории тоже было не здесь, впрочем: Люцера, как она есть. В перманентном своём облиции.

Дмитрий Чарков

Не упокой

...Тело находилось внутри импровизированных носилок, наскоро сооруженных из старого одеяла.

Подтащив за края продолговатый куль к заднему бамперу белого фургона, ребята в масках небрежно притулили его на землю, бросив концы сверху. Один открыл дверцы, второй выкатил складные пластиковые носилки и установил их рядом с трупом, вровень с землёй. Затем вдвоём они вновь ухватили с обеих сторон ношу, ловко перекинув её на каталку, дёрнули кверху – приспособление должно было расправиться вровень с кузовом, но расправилась только та её часть, что находилась ближе к фургону, а другая отчего-то не сработала. Каталка перекосилась.

Голое тело вывалилось из одеяла на влажный асфальт почти бесшумно.

Влажные от недавних слёз глаза девушки, не мигая, оценивали происходящее. Казалось, они фиксировали всё, отмечая будто по списку:

татуировка «кресты» – есть, три штуки, с куполами: зачтено;

волосы – отросшие, жидкие, примерно те самые – в наличии;

лицо – вздутое, бесформенное, невозможно идентифици-

ровать;

горло – перерезано...

Парни, матерясь друг на друга, подхватили труп, приподняв его...

...на одной из ягодиц приметное тату: глаз, полноса, уголок губ...

Петух своё откукарекал.

За три месяца до этого

Через парк Вероника решила пойти, потому что так было ближе.

Галка увязалась за старшей сестрой на вечерний сеанс для выпускников, ну и черт с ней. День и без того прошёл кайфово. «Последний звонок» – это всё-таки тема! Для них с Галей, правда, до него ещё два года, но репетиция со старшеклассниками состоялась. Вообще жизнь прекрасна! Весна! Кругом цветы и воздушные шары, атмосфера праздника и романтического предвкушения *чего-то*. Так что сопричастность с таинственным, можно считать, произошла успешно.

Аллея, ведущая вглубь, незаметно в сумерках перешла в тропинку, и звуки цивилизации доносились сюда уже с некоторым преломлением. Заметно прибавилось пустых пластиковых бутылок, а освещения, наоборот, стало значительно меньше, и девочке приходилось уже всматриваться прямо перед собой, чтобы не ступить ненароком куда-нибудь мимо.

Они с Галкой иногда срезали здесь дорогу, чтобы не опоздать домой к часу X, поэтому путь был знаком и даже привычен.

Где-то позади хрустнула ветка, но Вероника, ведомая вперёд на остатках праздничного адреналина, не обратила на звук внимания; а через несколько мгновений хруст повторился уже совсем рядом, и она просто не успела обернуться... – резкий удар в затылок, затем полная темнота и тишина...

Следующим её осознанным ощущением стала боль в голове. Она открыла глаза. Небо казалось желтовато-серым за сплетенными ветвями деревьев с молодой листвой. Она лежала на спине, на сыровато-пахучей прошлогодней траве, и что-то над ней довлело. Вероника потянулась рукой к ушибленному затылку, и тут перед её глазами возникло лицо, черты которого в сумерках словно плыли – худые, угловатые... страшные.

– Лежи тихо! – прошипело на неё сверху, и оттуда же пахнуло зубной гнилью с перегаром.

И тут только она почувствовала чье-то суетливое движение на себе, и ощутила свои ноги, широко, до боли, раскинутые в стороны... Она закричала.

В ту же секунду её горло сдавили, будто клещами. Она судорожно попыталась дотянуться ногтями до чужой омерзительной плоти где-то прямо перед собой, и в какой-то момент ей удалось это, но тут же получила сбоку сокрушитель-

ный удар, и все ощущения стали медленно угасать, притупляя боль и горечь, и обиду, уступая место жгучей ненависти, впечатанной в подсознание подобно последнему лучу заходящего за горизонт солнца.

«Сегодня было так солнечно...» – прошелестело в голове.

В самый последний момент, когда, казалось ей, уже всё закончено, в её лёгкие неожиданно снова ворвался воздух, обжигая всё внутри. Вероника хрипло закашлялась, попыталась перевернуться на бок, выдохнув одно лишь слово – «Мама!», но снова её истерзанное горло сдавили, и она уже ничего не помнила. Оставалось только желание покончить с этим кошмаром, здесь и сейчас. Пусть он перестанет терзать её, господи, зачем это всё...

* * *

«К Элизе. Бетховен».

Мысль медленно вращалась в пустоте, превращаясь в звук, в мелодию.

«К Элизе. К маме». Она вдруг поняла связь – эта мелодия была установлена в её телефоне на номер мамы. Было темно. А, нужно открыть глаза. Да, тот же сумрак зарождающихся белых ночей.

Вероника с трудом перевернулась на бок, и её тут же стошнило. Откашлявшись, она нашарила под собой свою маленькую сумочку и достала телефон.

– Алло, Ника? Ника, ты дома? Я тебя не слышу! Что-то со связью, я никак не могу дозвониться! Ника, если ты слышишь: мне пришлось остаться за Валю, у неё муж вечером ногу сломал, она попросила подменить её на несколько часов, пока в больницу его свозит. Меня на рабочем автобусе потом отвезут домой, ты не переживай, ложись спать... Отправлю эсэмэску ещё!

Она попыталась что-то сказать, но боль в горле была невыносимой. Прервав соединение, она написала в ответ текстом первое, что пришло в голову: «Услышала. Спокойной ночи».

Люди ноги ломают. Надо же, счастливые...

Лето она провела у родственников под Иркутском, у Байкала.

Официальной версией цветового месива на её лице и шее был несчастный случай в парке: на неё, дескать, налетел дикий лось, которые и раньше встречались в этих местах, но – слава богу! – всё обошлось. Прочие свои травмы Вероника ни с кем не обсуждала, даже с мамой, которая охала и ахала, глядя на дочь; поделилась только с гинекологом, да и то без эмоций, которые оставила психологу. Не детскому.

Порой её начинало буквально трясти от неконтролируемых наплывов воспоминаний: этот хриплый прокуренный голос, интонация с каким-то истерическим надрывом в тех редких фразах, что он на неё выдохнул вместе со смрадом курева и перегара; быстрые уверенные действия, жилистость

и невероятная жестокость... Он был гораздо старше. Намного сильнее. Действовал наверняка.

Она у него такая уже не первая. И даже, видимо, не вторая. И она не должна была снова задыхаться, судя по всему.

Встретаться с психологом Зоей Михайловной, к которой она записалась через интернет в Иркутске, стало если не удовольствием, то определенно полезным времяпрепровождением, несшим успокоение. Как-то Вероника поинтересовалась у неё:

– А правда, что под гипнозом человек может вспомнить то, чего он вроде бы и не видел? Ведь известно же, что наш мозг запоминает всё попавшее в поле видимости его бокового зрения, на бессознательном уровне?

– В некоторых случаях – да. Тебя что-то конкретное беспокоит?

Вероника заранее продумала, как ответить на подобный вопрос, чтобы не вызвать лишних вопросов:

– Мне не даёт покоя что-то, что было в том человеке... оно словно преследует меня – иногда мне кажется, что я вижу это нечто в каком-то постороннем встречном мужчине, и мной овладевает что-то похоже на панику. Мне кажется, что если бы я знала, что именно это было, то, наверное, перестала бы бояться. Мы же боимся, по сути, неизвестного?

Через неделю, сидя в удобном кресле напротив психолога, Вероника спокойно внимала весьма простой, но эффективной установке «отключить любые ощущения физического дис-

комфорта в теле, игнорировать чувствительность в отношении касания любого характера любым объектом или предметом, сосредоточиться только на том, что воспринимает зрение, прямое и боковое, и слух...»

Сеанс гипноза прошёл замечательно. И в реальность она вернулась в отличном настроении. В окно откуда-то сбоку заглядывало послеобеденное сибирское солнышко. Зоя Михайловна сдержанно улыбалась.

– Как ты себя чувствуешь?

– О-о, чудесно! Будто выспалась, наконец-то!

– Вот и здорово!

– А как наше... наша цель? Выяснили?

– Думаю, да.

Вероника выжидающе смотрела на неё.

– Ты когда мимо церквей ходишь, что испытываешь?

Девушка вдруг напряглась. Ведь действительно, в последнее время при виде православных крестов она ощущала некоторый дискомфорт. Но не придавала этому особого внимания – в последнее время и более прозаичные вещи вызывали в ней тревогу. Сейчас она восприняла это наблюдение несколько иначе, словно у неё уже имелась в подсознании какая-то определенность в оценке этого образа. Она высказала свои мысли вслух.

– Ты видела татуировку церковных крестов на груди своего насильника. Три креста по центру. Видимо поэтому у тебя присутствовал нервный дискомфорт при виде реальных

крестов на куполах церквей. Но мы проработали с тобой эту тему, и я уверена, что впредь подобное беспокойство не будет повторяться.

– Спасибо. Это... это всё?

– Ты упоминала, что тебя иногда вводят в панику прямые взгляды некоторых мужчин?

Вероника кивнула.

– Ты уже была, я полагаю, практически в бессознательном состоянии, когда этот человек натягивал свои штаны – он повернулся к тебе спиной и нагнулся, до своих щиколоток... Ты увидела лицо и губы «бантиком». На том месте, где должны были быть его ягодицы.

– Это была галлюцинация? – удивилась девушка.

– Отнюдь. На самом деле, это изображение тебя даже развеселило, так сказать, принимая во внимание твоё состояние в тот момент... но пять минут назад ты действительно улыбалась, описывая... Это тоже татуировка, только уже на его ягодицах. Если я правильно помню из курса судебной психиатрии, она ничего хорошего для своего обладателя не означает: это свидетельство о принадлежности к самой низшей касте в уголовной иерархии, типа...

– Я поняла, что это означает, – коротко резюмировала Вероника. – А про купола?

– Кресты обозначают то ли тюремный срок, то ли количество сроков уголовника, проведенных в тюрьме.

– В общем, «крестил» меня опущенный на зоне зэк, – не

удержалась от горькой усмешки девушка, – та ещё Ассоль..!

* * *

Тот август в Петербурге не радовал солнечными откровениями, но они всё-таки были. Прихотливость погоды, впрочем, никак не отражалась на душевном равновесии самих петербуржцев – ведь таково нормальное состояние их мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.